

8. Токарев Г.В. Образ человека через призму квазиэталонов русской территориальной субкультуры // Культурные аспекты в языке и тексте: сб. науч. тр. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С. 146-156.

9. Юрина Е.А. Образность в системе лексико-семантических категорий языка // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. 2004. № 32. С. 25-58.

10. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.

11. В качестве иллюстративного материала привлекались данные из «Национального корпуса русского языка».

12. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. 312 с.

Н.О. Кириллова

Елабужский государственный педагогический университет

РЕЧЕВОЙ ЖАНР В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Комплексный характер интерпретации денотата, выявленный в ходе анализа метафорического моделирования аспектов речевой ситуации, обусловливает поиск нелинейной модели, отражающей речевую ситуацию в целом, а не отдельных ее элементов.

Изучение метафорической репрезентации когнитивных структур, отображающих ситуацию речи (фрейма, сценария, модели речевого взаимодействия), обнаруживает необходимость обращения к описанию структуры, позволяющей исследовать метафорические номинации системно, – к речевому жанру.

Обращение к модели речевого жанра мотивировано и логикой языкового материала. Исследование показало, что метафорическому моделированию обычно подвергается не отдельно взятый компонент ситуации, а вся ситуация либо один из ее компонентов в теснейшей связи с другим. Иными словами, метафора в целом, в том числе конкретная метафорическая модель, стремится к моделированию всей ситуации.

Анализ выявляет тяготение отдельных метафорических образов к маркированию определенных речевых жанров.

Речевой жанр – явление двустороннее и в методологическом, и в сущностном отношении. Одной стороной он обращен к прагматической ситуации, то есть к сфере денотативной, другой – к ментальным процессам коммуникативной ситуации, т.е. к сознанию участников коммуникации.

В работах, посвященных изучению речевых жанров, выявляются также два подхода: типы высказывания трактуются либо как формы культуры (в большинстве антропологических работ), либо «как определенные фор-

мы высказываний, имеющие общую языковую природу с такими простыми речевыми актами, как вопрос, приказ или угроза» [Вежбицка 2007: 241].

Описание метафорических моделей, эксплицирующих аспекты речевой ситуации в данном аспекте, позволяет преодолеть односторонность отмеченных подходов. Метафора представляется метаязыковым механизмом, моделирующим речевой дискурс на уровне речевого жанра.

С другой стороны, именно метафорические контексты выявляют многочисленные аспекты речевого события, характеристика которого значима для языкового сознания.

Действительно, речевые жанры развернуто представлены метафорическими глагольными номинациями, своеобразно маркирующими соответствующий жанр:

Просьба – *привязываться, липнуть, прицепляться, теребить, уламывать*; **спор** – *схлестнуться, сцепиться, отметить, отразить*; **ссора** – *схлестнуться, сцепиться, лаяться, собачиться, отлаиваться, крыть, лягать, уязвлять*; **угроза** – *нападать, наскокивать, налетать, обрушиваться, накидываться*; **комплимент** – *рассыпаться, превозносить*; **похвальба** – *возноситься, козырять*; **жалоба** – *открываться, изливать, скулить, выть*; **объяснение** – *проливать свет, освещать, развивать, развертывать, разжевывать, раскрывать, вколачивать, вдалбливать*; **разговор** – *вести беседу, ворковать, трепаться, перекидываться...*

Рассуждая об интерпретации предложения с позиций теории речевых жанров, М.М. Бахтин пишет: «Предложение, как и слово, – значащая единица языка. Поэтому каждое отдельно взятое предложение, например, “Солнце вошло”, совершенно понятно, то есть мы понимаем его языковое значение, его *возможную* роль в высказывании. Но занять в отношении этого отдельного предложения ответную позицию никак нельзя, если только мы не знаем, что говорящий сказал этим предложением все, что он хотел сказать, что этому предложению не предшествуют и за ним не следуют другие предложения того же говорящего... Но если это предложение окружено контекстом, то оно обретает полноту своего *смысла* только в этом контексте, то есть только в целом высказывании, и ответить можно только на это целое высказывание, значащим элементом которого является данное предложение» [Бахтин 2007: 220].

Проиллюстрируем излагаемые положения и маркирующую способность метафорических номинаций в разграничении речевых жанров или аспектов одной и той же ситуации, в которой участвуют многие говорящие с несовпадающими интересами:

- Солнце вошло, – *отрезал* он.
- Солнце вошло, – *накинулся* он.
- Солнце вошло, – *бухнул* он.
- Солнце вошло, – *скулил* он.
- Солнце вошло, – *липнул* он.

Содержание высказывания (восход солнца) предстает в интерпретации метафорических глаголов чаще не как объект наблюдения, а как момент времени, с которым соотносится действие в развертывании, сценарии практической деятельности.

Попробуем восстановить речевую ситуацию по ее фрагменту. Момент восхода солнца может мыслиться, например, как время, ограничивающее возможность привала в ночном походе/побеге (в первом примере). Высказывание с глаголом *отрезал* в таком сценарии представляет собой реплику-реакцию на инициальное высказывание, содержащее просьбу о разрешении привала. Коммуникативная цель говорящего интерпретируется как императивная (запретительная) реакция говорящего (занимающего сильную коммуникативную позицию) на воздействие собеседника, а прагматика речевой ситуации развивается по сценарию отказа, в котором содержание высказывания – «Солнце взошло» – предстает мотивировкой для категорического отказа.

Второй контекст позволяет осмыслить то же объективное содержание как время, назначенное для такого похода, – говорящий настаивает на осуществлении намеченного действия. Глагол *накинулся*, маркируя речевой жанр угрозы/требования, обозначает сильную, преобладающую коммуникативную позицию говорящего.

Репрезентирующие речевой жанр просьбы глаголы *скулил*, *липнул*, обозначая зависимую коммуникативную позицию субъекта речи, допускают реконструкцию речевой ситуации, в которой говорящий просит о привале, указывая на продолжительность похода.

Ситуация, предложенная в третьем контексте, представляется более осложненной: время намеченного действия (например, побега) неизвестно ряду собеседников и выдается говорящим ненамеренно.

Таким образом, один объективный факт предстает сквозь призму разных речевых ситуаций. Интерпретируя речевое поведение одного лица, метафора проливает свет на отдельные элементы ситуации в целом: на характер отношений между говорящими, на предыдущие речевые акты, на специфику ситуации в целом, – то есть представляет один из фрагментов всего сценария речевого события.

Метафорические образы категоризируют абстрактные понятия, а тип метафорического образа, который моделирует тот или иной речевой жанр, задан особенностями соответствующей коммуникативной ситуации.

Парадигматические отношения в группе метафорических глаголов говорения, маркирующих один речевой жанр, обнаруживают их широкие моделирующие способности. В частности, синонимы, представляющие речевой жанр **ссора**, различают отношения между субъектами, количество и характер участников речевого акта, их эмоции, серьезность повода для конфликта, целенаправленность деятельности. Соответственно, синонимы различаются по следующим признакам:

- 1) каковы отношения между субъектами (достаточно близкие в случае *лаяться, собачиться*);
- 2) каковы роли субъектов (равноправные в случае *лаяться, собачиться* – неравноправные в случае *отлаиваться, отбрехиваться*);
- 3) насколько серьезен повод для конфликта (*схлестнуться, сцепиться* – серьезный повод; *лаяться, собачиться* – бытовой повод);
- 4) каковы эмоции участников (*браниться, лаяться, рычать, рвать*);
- 5) кто является участником конфликта (*рвать, рычать* редко употребляются по отношению к женщинам);
- 6) целенаправленность высказывания (*схлестнуться, сцепиться* предполагают не только целенаправленность, но и интенсивность – по сравнению с *отлаиваться, цедить*).

Аспекты структуры речевых жанров получили отражение и в системе внелитературной лексики: по наблюдению Л.В. Балашовой, в сленге встречаются специфические для данной сферы наименования «гипержанров» (которые, на наш взгляд, реализуют общую тенденцию к отражению метафорическими номинациями речевых жанров): «'судебное разбирательство' – *венчание, кухня, экзамен, эшафот*; 'судебные прения' – *грызня*; 'допрос; разговор со следователем' – *интервью, исповедь, ломка, мотня, раскол...*» [Балашова 2007: 22]. Исследователь отмечает, что внелитературные метафорические наименования речевых жанров составляют около 700 единиц, что также свидетельствует об органичной связи метафорической номинации и речевого жанра.

Таким образом, метафорические модели являются тем метаречевым средством, которое стихийно «исследует» специфику многообразных форм, в которые «отливается» наша речь, и, следовательно, органично связаны с жанрами речевых событий. Охват метафорической моделью речевого жанра является проявлением комплексной характеристики речевой ситуации в метафорической картине ее моделирования.

Литература

1. Балашова Л.В. Жанры «внелитературной речевой культуры» в зеркале метафоры // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып.5. Жанр и культура. С. 21-43.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Социальная психоллингвистика: хрестоматия. М.: Лабиринт, 2007. 336 с.
3. Вежбицка А. Речевые жанры // Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. М.: Лабиринт, 2007. 336 с.

Н.А. Чернявская

Самарский государственный университет